

www.volsu.ru

УСЛОВИЯ, РЕСУРСЫ, ФАКТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ ЮГА РОССИИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2024.3.13>

UDC 314.88

LBC 60.723

Submitted: 04.05.2024

Accepted: 15.06.2024

POST-SOVIET UKRAINE: GEODEMOGRAPHIC PROCESSES IN COUNTRY AND DYNAMICS OF RUSSIAN POPULATION¹

Sergey Ya. Suschiy

Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation

Ekaterina S. Suschaya

Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the main geodemographic trends of post-Soviet Ukraine and the dynamics of its Russian population. It was established that throughout the period under analysis, the country's population was rapidly declining. In the 1990s, natural losses (2.5 million people) and the outflow for permanent residence to Europe and Russia (about 1 million) played a central role in this process. In 2001–2013, natural decline (3–3.5 million) and large-scale labor migration, with the following settlement of a part of those who left to work (1–1.5 million) abroad, led to population loss. Since 2014 there were territorial losses (7–7.5 million), labor migration, and emigration associated with the start of a special military operation (7–9 million people in total). For 1992–2023, the population of Ukraine, within the territorial limits controlled by the authorities in Kyiv, decreased by 2.2–2.5 times (from 51.7 million to 20–23 million people). A calculated estimate of the dynamics of the Russian population of Ukraine reveals its reduction by an order (from 11.4 to 1.1–1.2 million people). All dynamic factors contributed to such a sharp compression of the demographic potential: natural decline, outflow, territorial losses, and assimilation. However, the central role belonged to the growing scale of Russian-Ukrainian marriages and the growing choice of the titular national identity by the descendants of such families. Nevertheless, it should be taken into account the maximum growth in the practice of ethnosocial disguise among the Russian population of the country. What actually excludes the possibility of calculating the real number of people with Russian identity? Moreover, at present, the ethnonational identity of a significant part of the mixed population of Ukraine is becoming derived from the results of the conflict between the two countries.

Key words: Ukraine, geodemographic dynamics, Russian population, natural reproduction, migration activity, group of biethnic people, assimilation processes.

Citation. Suschiy S. Ya., Suschaya E. S., 2024. Post-Soviet Ukraine: Geodemographic Processes in Country and Dynamics of Russian Population. *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia], vol. 12, no. 3, pp. 132-145. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2024.3.13>

ПОСТСОВЕТСКАЯ УКРАИНА: ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СТРАНЕ И ДИНАМИКА РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ¹

Сергей Яковлевич Суцкий

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Екатерина Сергеевна Суцкая

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются основные геодемографические тренды постсоветской Украины и динамика ее русского населения. Установлено, что на всем протяжении анализируемого периода население страны характеризовалось значительной демографической убылью. В 1990-е гг. центральную роль в ней играли естественные потери (2,5 млн чел.) и отток на ПМЖ в Европу и Россию (около 1 млн); в 2001–2013 гг. естественная убыль (3–3,5 млн) и масштабная трудовая миграция, с последующим укоренением части выехавших на заработки (1–1,5 млн); с 2014 г. – территориальные потери (7–7,5 млн), трудовая миграция и эмиграция, связанная с началом СВО (в сумме 7–9 млн чел.). В целом за 1992–2023 гг. население Украины в пределах, контролируемых властью в Киеве, сократилось в 2,2–2,5 раза (с 51,7 млн до 20–23 млн чел.). Расчетная оценка динамики численности русского населения Украины обнаруживает его сокращение на математический порядок (с 11,4 до 1,1–1,2 млн чел.). На столь резкое демографическое сжатие работали все факторы динамики – естественная убыль, отток, территориальные потери и ассимиляция. Но центральная роль принадлежала росту масштабов русско-украинской брачности и случаев, когда смешанное потомство таких семей причисляет себя к титульной нации. Однако, фиксируя быстрый демографический закат русского этнического присутствия на Украине, следует учитывать максимальный рост у русского населения страны маскировочных практик, что фактически исключает возможность определения реальной численности людей с русской идентичностью. В современных обстоятельствах этнонациональная идентичность заметной части смешанного населения Украины становится производной от результатов конфликта двух стран.

Ключевые слова: Украина, геодемографическая динамика, русское население, естественное воспроизводство, миграционная активность, группа биэтнофоров, ассимиляционные процессы.

Цитирование. Суцкий С. Я., Суцкая Е. С., 2024. Постсоветская Украина: геодемографические процессы в стране и динамика русского населения // Региональная экономика. Юг России. Т. 12, № 3. С. 132–145. DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2024.3.13>

Введение

В начале XXI в. человеческий капитал выступает основной компонентом национального богатства. В развитых странах на него приходится до 80 % совокупных материальных и нематериальных активов [Корчагин, Маличенко, 2010]. Так, естественная и общая количественная динамика населения, основные сдвиги его социодемографических характеристик входят в обиход значимых индикаторов эффективности современного государства, его способности обеспечить устойчивое сохранение и воспроизводство демографического потенциала как первоосновы динамичного развития общества.

Анализ геодемографической динамики населения постсоветской Украины в известной степени позволяет оценить, насколько успешным оказался опыт ее самостоятельного государственно-

го функционирования. Несмотря на теоретическую значимость данной темы, она нечасто оказывалась в прямом исследовательском фокусе российских демографов и социальных географов. Одна из причин заключалась в том, что единственная после распада СССР перепись была проведена на Украине более 20 лет назад (2001 г.). Для изучения дальнейшей количественной и пространственной динамики населения страны необходимо было использовать данные Укрстата, которые все более ощутимо расходились с реальной геодемографической ситуацией (особенно в оценке масштабов международной миграции).

Большой интерес проявлялся к изучению геодемографических аспектов русского и русскоязычного населения страны [Арефьев, 2012; Гордяненко, 2009; Ефимов, 2009; Манакон, Теренина, 2022; Митрофанова, Суцкий, 2017; Савоскул, 2001; Суцкий, 2020]. Но почти все исследо-

вания на этом направлении были выполнены до 2022 г. и не фиксировали масштабных сдвигов, происшедших на Украине в последние годы с учетом того, что анализ особенностей демографического воспроизводства ее русского населения в настоящее время является предельно актуальным.

Статистическую базу исследования составляли результаты Всесоюзной переписи 1989 г. и переписи населения Украины 2001 г. [Всесоюзная перепись ... , 1989; Всеукраинская перепись ... , 2001]; данные текущего демографического учета и статистические сборники национального Госкомстата [Государственная служба ... , 2024; Статистичний щорічник ... , 2015; Статистичний щорічник ... , 2022], данные социологических опросов [Рейтинг, 2022; Displacement Patterns, 2023]. Исследование осуществлялось в рамках системного подхода, предполагавшего использование рабочих методик принятых в демографических, этносоциологических разработках и в социальной географии; а также методы статистического анализа, шкалирования и группировки количественных данных.

Геодемографическая динамика населения Украины

1992–2021 годы. На протяжении всего постсоветского периода Украина оставалась одной из самых депопуляционных стран постсоветско-

го пространства, абсолютным антилидером по коэффициенту естественной убыли населения, который уже в середине 1990-х гг. опустился до 6 ‰, а к рубежу веков – до 7–7,5 ‰. Определенное сокращение естественных потерь, фиксируемое в конце 2000-х гг. (3,5–4 ‰) в дальнейшем сменилось новым ростом масштабов депопуляции, уровень которой в годы мировой пандемии вырос до 11–12 ‰ (рис. 1).

В общей сложности в результате естественной убыли население Украины сократилось в 1992–2021 гг. на 15–15,5 %. Самыми существенными были и миграционные потери, сложность достоверной оценки которых связана с тем, что демографическая статистика Укрстата практически не учитывала масштабов международной трудовой миграции, которая уже на рубеже веков оценивалась специалистами в 1–1,5 млн чел. [Позняк, 2010]. Во второй половине 2000-х гг. за пределами страны работало от 1,3–1,5 до 3–5 млн чел., то есть 6–16 % всего трудоспособного населения Украины [Гайдуцкий, 2007; Позняк, 2010]. Но, согласно данным Укрстата, суммарное сальдо международной миграции страны в 2005–2010 гг. было положительным (62 тыс. чел.).

Сохранилось это положение и в 2010-е гг. По статистике Укрстата за 2011–2018 гг. чистый отток из страны составил только 119 тыс. чел., притом что, согласно данным Всемирного банка, в 2012 г. зарубежом находилось около 6,5 млн украинцев; украинский МИД в 2016 г. оце-

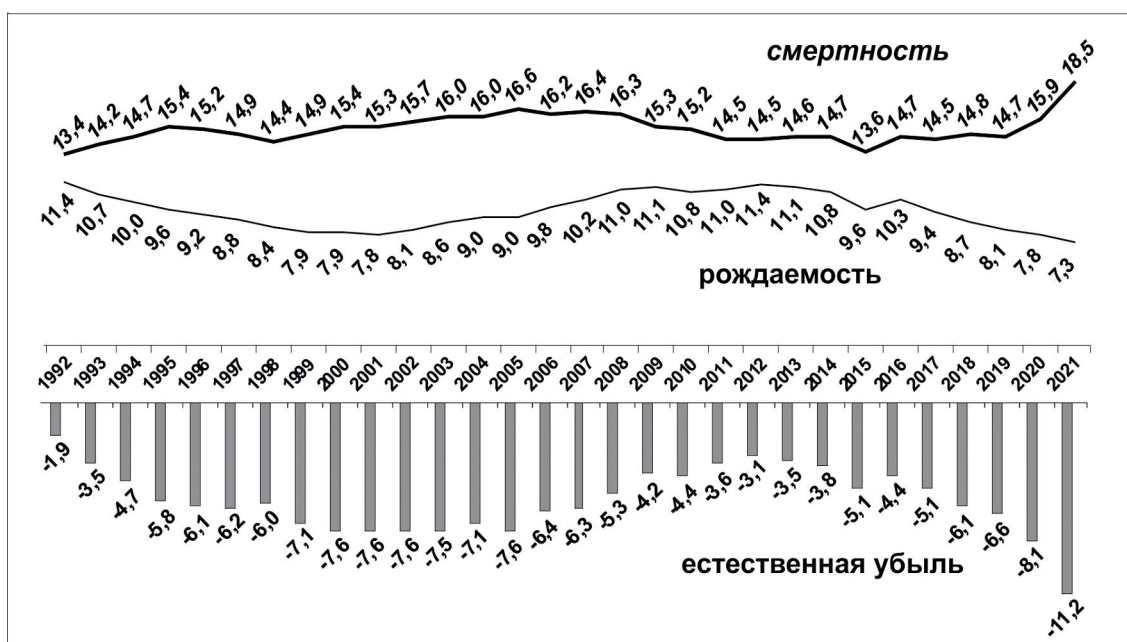

Рис. 1. Естественная динамика населения Украины, 1992–2021 гг., ‰

Примечание. Рассчитано по: [Государственная служба ... , 2024; Статистичний щорічник ... , 2015].

нивал их численность в 5 млн, социологические опросы давали диапазон 6–8 млн [Сколько миллионов ... , 2018]. Продолжало учитываться Укрстатом в качестве наличного и население двух народных республик Донбасса с середины 2014 г., фактически независимых от Киева.

Как результат, на начало 2022 г. население страны, согласно ее главному статистическому органу, составляло 41,2 млн чел., это с учетом того, что проведенная в декабре 2019 г. электронная перепись (через оценку количества SIM-карт), дала цифру 37,3 млн, а по расчетам специалистов Института демографии Академии наук Украины численность наличного населения в конце 2010-х гг. едва ли превышала 32 млн чел. [Сколько миллионов ... , 2018].

Пиковый период пандемии (середина 2020 – 2021 гг.) был связан со значительным сокращением масштабов международной трудовой миграции. За пределами Украины и в это время могло оставаться 2–3 млн ее граждан, но наличное население страны на территории подконтрольной Киеву увеличилось до 33–36 млн чел. (рис. 2).

2022–2023 годы. С первых дней проведения специальной военной операции (далее – СВО) начался массовый отток населения за пределы Украины – в первую неделю страну покинуло более 830 тыс. человек. В апреле – мае активность миграции постепенно сокращалась, но до конца весны 2022 г. из страны выехало порядка 6–8 млн чел. [Tverdostup, 2023].

Эта масштабная миграционная волна, учитывая форс-мажорные обстоятельства ее формирования, отличалась высоким пространственным и количественным динамизмом. Часть выехавших в дальнейшем неоднократно меняла

свою локацию, перемещаясь между странами Европы, часть беженцев вернулась на Украину. Но, существенно сократившись в размерах, общий вектор миграционной активности был по-прежнему направлен из страны (в первом полугодии 2023 г. чистый отток из Украины в Европу составил 230 тыс. чел.).

Транзитный характер эмиграции, постоянно менявшей свои размеры, географию и состав; наличие у нее значительного теневого сегмента практически исключали возможность детального изучения основных социодемографических характеристик мигрантов. Тем не менее обширные социологические опросы украинских релокантов 2022–2023 гг. в самых общих чертах позволяют зафиксировать их половозрастную структуру. Согласно данным украинского Forbes, среди выехавших в Европу женщины составляли более 83 %. При этом в общем составе мигрантов около 52 % приходилось на несовершеннолетних [Князев, 2022]. Опросы украинских мигрантов, осевших в странах Восточной Европы дают несколько иные долевые показатели – около 70 % женщин и 32 % несовершеннолетних [Displacement Patterns ... , 2023]. Учитывая, общие размеры миграционной волны 2022–2023 гг., можно говорить о 2,0–3,5 млн украинских детей и подростков (до 17 лет) и 1,5–2 млн женщин активного репродуктивного возраста (20–39 лет), после начала СВО оказавшихся за пределами страны.

Согласно А. Сахно, специалисту группы исследований политики развития человеческого капитала ЦЭС, в начале учебного 2022/23 г. более 2,2 млн украинских детей (около 43 % от общей их численности) учились в образовательных

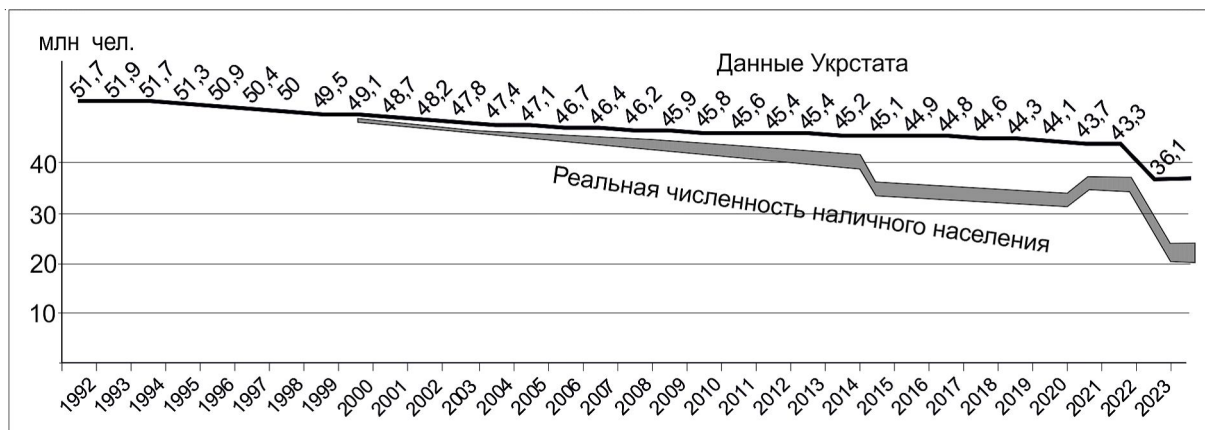

Рис. 2. Динамика населения Украины (официальные данные и наиболее вероятный диапазон численности наличного населения), тыс. чел.

Примечание. Рассчитано по: [Государственная служба ... , 2024; Статистичний щорічник ... , 2022].

учреждениях стран Евросоюза [Сахно, 2022]. Расчетные оценки, берущие за основу данные по возрастной структуре выехавших в Восточную Европу, дают меньшую величину (около 1,4 млн чел.). Но и в этом случае более четверти школьников Украины в 2022 г. получали образование за пределами страны.

Миграционная волна 2022–2023 гг. сократила наличное население страны до 20–23 млн чел., существенным образом усилив уже существовавшую деформацию его половозрастной структуры, в которой еще более сузилась доля детских генераций и на 1/4–1/3 сократились когорты женщин репродуктивного возраста.

Затягивание военного конфликта в демографическом аспекте со всей очевидностью играет против Украины. К настоящему времени значительная часть выехавших уже трудоустроена и прошла существенную часть маршрута общей социально-экономической интеграции в принявшие их общества. Даже при наиболее положительных для Украины сценариях динамики конфликта, она уже потеряла несколько миллионов человек, играющих первостепенную роль в обеспечении ее дальнейшего демографического

воспроизводства (дети, подростки, женщины репродуктивного возраста).

Неутешительными являются и результаты естественной динамики наличного населения. Уровень рождаемости за два года СВО сократился почти на треть (с 273,8 тыс. в 2021 г. до 187,4 тыс. в 2023 г.). Максимальная по темпам просадка (–24,6 %) была зафиксирована в 2022 г. В 2023 г. темпы снижения рождаемости на Украине были менее значительными (–9,4 %). Но в течение года этот показатель продолжал падать (во втором полугодии в стране появилось на 6,4 % новорожденных меньше, чем в первом).

Максимальное снижение уровня рождаемости в 2022–2023 гг. демонстрировали прифронтовые территории юго-востока страны. Если в Харьковской области и в контролируемой Киевом части Запорожской области число новорожденных за два года сократилось в два раза, на правом берегу Херсонской области в 2–2,5 раза, то во многих регионах запада и центра страны только на 14–19 % (рис. 3). Если предположить, что население Харьковской и Запорожской областей (части подконтрольной Киеву) в 2022–2023 гг. вследствие оттока сократилось на чет-

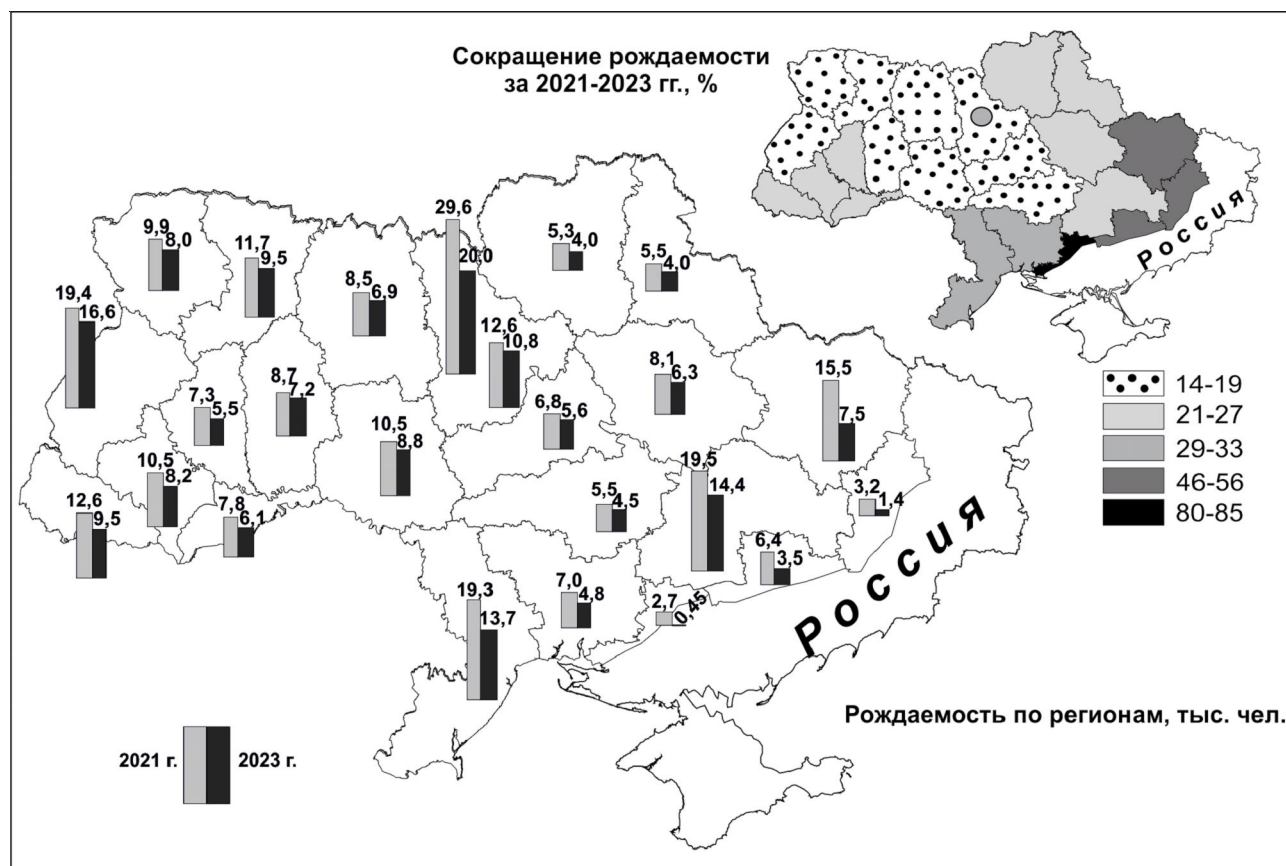

Рис. 3. Репродуктивная активность населения Украины, 2021–2023 годы

Примечание. Рассчитано по: [Государственная служба ..., 2024; Статистичний щорічник ..., 2022].

верть, коэффициент рождаемости в них опустился в 2023 г. соответственно до 3–3,5 ‰ и 3,5–4 ‰. А на Херсонском правом берегу едва ли превышал 2–3 ‰.

Среднесрочные демографические перспективы Украины. Анализ демографической ситуации, сложившейся на Украине в 2023–2024 гг., позволяет констатировать отсутствие у страны положительных сценариев дальнейшей динамики народонаселения. При затягивании конфликта даже без активизации вооруженного противостояния коэффициент рождаемости едва ли будет в состоянии подняться в целом по Украине выше 5–6 ‰ с учетом того, что смертность по сумме обстоятельств, в которых находится страна, будет оставаться на уровне пандемийных лет (16–18,5 ‰). Таким образом, среднегодовой коэффициент естественной убыли будет устойчиво сохраняться в диапазоне 1,0–1,5 ‰, с достаточно большой вероятностью выхода на более высокие значения (1,5–2,0 ‰). Сохранится и отток населения, при определенных обстоятельствах способный опять достигать значительных величин.

Продление активного противостояния на несколько лет гарантировано лишит Украину самой значительной части всех выехавших за ее пределы как до, так и после начала СВО со всеми последствиями для общего демографического потенциала страны, ее человеческого капитала и его центральных социодемографических характеристик. Однако остается открытым вопрос о масштабах непосредственно военных потерь, которые за первые 2,5 года ведения СВО только в своей безвозвратной компоненте могли составить 0,8–1 ‰ населения. Таким образом, каждый год конфликта даже в условиях позиционного противостояния может обходиться Украине в 1,5–2 ‰ демографического потенциала.

Но и быстрое его завершение, с последующим устойчивым переходом к мирной жизни, уже практически неспособно обернуться включением положительного демографического сценария развития страны. Если часть украинских релокантов вернется из Европы, то не меньшим (если не большим) по интенсивности будет отток, связанный с отъездом членов разделенных семей, представители которых успели закрепиться в странах Евросоюза.

С большой вероятностью снова возрастут и масштабы трудовой миграции мужского населения, которое в настоящее время фактически

заперто внутри страны. Любое новое сближение с Европой обернется дополнительными миграционными потерями – современная Украина с разрушенной экономикой и социальной инфраструктурой, крайне низким уровнем жизни обречена быть демографическим донором всего Евросоюза, включая его восточную периферию от Балтии до Болгарии.

Не стоит ожидать и послевоенного естественного восстановительного роста, способного компенсировать понесенные страной демографические потери. До 2027–2028 гг. в активном репродуктивном возрасте на Украине будут малочисленные поколения 1990-х – первой половины 2000-х гг., к тому же в настоящее время «усеченные» эмиграцией на 1/3–1/4. Как уже отмечалось, во второй половине 2022 г. из 6,0 млн женщин активного детородного возраста 1,5–2 млн находилось за пределами страны. Даже возвращение их части на Украину в случае быстрого завершения конфликта едва ли позволит подняться уровню рождаемости от его современных показателей. Снижения коэффициента естественной убыли на Украине можно будет ждать только от сокращения смертности, но и здесь речь будет идти о нескольких промилле, способных лишь несколько сократить предельно высокие темпы современной депопуляции населения.

Иными словами, даже в случае быстрого завершения СВО и перехода к мирной жизни Украина продолжит быстро терять население. Едва ли темпы естественных потерь как в среднесрочной, так и более отдаленной перспективе будут ниже 10–12 ‰, а с учетом оттока среднегодовая убыль населения может составлять до 1,5 ‰ и более.

В целом при реализации наиболее положительного демографического сценария, наличное население Украины (в ее в современном территориальном формате) на первом этапе может вырасти до 23–26 млн чел. (в случае возвращения в страну 40–50 % выехавших). Но уже в ближайшие годы снова начнет устойчиво сокращаться, до 2030 г. с большой вероятностью вернувшись к современному уровню (20–23 млн). Быстрое демографическое сжатие населения страны сохранится и в дальнейшем – к 2040 г. оно может сократиться до 17–20 млн, а в середине века составлять порядка 15–18 млн человек. Повторим, что это сценарий без возможной активизации миграционного оттока, способного сократить обозначенные цифры еще на 10–15 %.

Демографическая динамика русского населения Украины

1990-е – начало 2020-х годов. На рубеже 1990-х гг. русские составляли более 22 % жителей Украинской ССР (11,4 млн чел.), но в пределах Донбасса русское население по численности было сопоставимо с титульным, а в Крыму составляло ошутимое большинство (67,1 %). Фактически в этнокультурном разрезе постсоветская Украина начала 1990-х гг. была «двухсоставным» государством, однако единственная постсоветская перепись населения (2001 г.) обнаружила в стране только 8,3 млн русских. За 1990-е гг. их число сократилось более чем на 3 млн чел. (–22,2 %). Абсолютная и удельная убыль русского населения фиксировалась во всех регионах страны, охватывала все таксономические уровни системы расселения от столицы и городов-миллиоников до малых сельских поселений.

В двух областях (Львовская и Ивано-Франковская) доля русских сократилась более чем в 2 раза; в 7 – на 40–47 %, в 15 – на 27,5–40 %. На Донбассе (Донецкая и Луганская области) русских стало меньше на 20–22 %, и только в Крыму убыль составила 11 %. В абсолютных размерах потери оказались максимальными именно в Крыму и на Донбассе (соответственно 512 и 784 тыс. чел.), а в целом на русскоязычный юго-восток пришлось более 80 % демографической убыли русского населения Украины (2,45 млн из 3,02 млн чел.).

Вклад эмиграции в столь внушительную цифру общих количественных потерь русских был незначительным. По данным Госкомстата России чистый приток русских из Украины за 1993–2001 гг. составил 393 тыс. чел., а их естественная убыль в 1990-е гг. не превышала 400–500 тыс. чел. [Митрофанова, Суший, 2017: 45]. Таким образом, центральную роль в стремительном демографическом сжатии играли ассимиляционные процессы, а точнее сдвиги в этнонациональном самоопределении обширной группы смешанного (биэтнического) населения страны. Уже в середине 1990-х гг. около трети русских страны являлись этническими «полуукраинцами», около 15 % украинцев были «полурусскими» [Савоскул, 2001: 89]. Потеря двух из трех миллионов русских страны в первое постсоветское десятилетие была связана с переходом части таких биэтнофоров от русской к украинской компоненте национальной самоидентичности. Если в конце 1980-х гг.

около 60 % смешанного русско-украинского населения Украины самоопределялось украинцами, то в начале XXI в. уже 70 % [Митрофанова, Суший, 2017: 47–49].

К 2013–2014 гг. доля биэтнофоров, относивших себя к титульной нации, выросла до 77–80 %. При этом данная биэтническая группа в целом продолжала разрастаться в абсолютных размерах, тем более в долевом отношении. Если в конце советского периода на нее приходилось менее 17 % населения Украины, то в 2001 г. – около 1/4, а в 2013 г. – уже более 30 % жителей страны.

География весомого присутствия русских в значительной степени ограничивалась южным и восточным субрегионами страны (историческая Новороссия и Слободская Украина), в пределах которых доля русских и смешанного русско-украинского населения в середине 2000-х гг. в целом составляла более 57–58 % населения. На западе и в центре Украины этот показатель составлял только 8,5–9 % (рассчитано по: [Савоскул, 2001; Суший, 2020]).

Украинский социально-политический кризис 2013–2014 гг. и его последствия (государственный переворот в Киеве, последовавшее включение в состав России Крымского полуострова, Русская весна на юго-востоке страны и активное сепаратистское движение на Донбассе) еще более ускорили процессы титульного самоопределения смешанного населения. В отсутствие переписей анализировать данный процесс, как и изменения общей численности русских, приходится, опираясь на данные социологических опросов, отслеживавших долю респондентов с русской идентичностью. Но заметим, что результаты, полученные социологами, в целом достаточно хорошо согласовались с оценками демографов и экспертными расчетами вероятной естественной, миграционной и ассимиляционной динамики русского населения страны.

Потеря Крыма и фактический выход из состава страны восточного Донбасса сократили русское население Украины на 2,8–3,0 млн чел. (до 4–4,5 млн чел.). Его удельный вес в структуре населения страны за 2013–2015 гг. опустился с 16 % до 10,5–11,5 % [Митрофанова, Суший, 2017].

Но украинские социологи фиксировали достаточно быстрое сокращение доли респондентов с русской самоидентичностью и в дальнейшем. В 2020–2021 гг. самоопределялось русскими уже только 7 % опрошенных [Рейтинг, 2022], что в

первую очередь было связано с дальнейшим удельным перераспределением биэтнофоров. После 2014 г. гражданская позиция в качестве основного фактора национальной идентичности смешанного населения Украины окончательно оттесняет непосредственно этническую компоненту на второй план. Политические сторонники украинской государственности, составлявшие среди биэтнофоров абсолютное большинство, массово самоопределяются как украинцы. В начале 2020-х гг. уже подавляющая их часть (90–95 %) выбирала титульную национальную идентичность.

Значимыми оставались и другие факторы сокращения русского населения страны. С учетом естественной убыли и миграционного оттока его численность (без учета Крыма и республик Донбасса) могла снизиться к началу 2022 г. до 2,4–2,6 млн чел. (рис. 4). Порядка 75–80 % данного демографического множества по-прежнему было сосредоточено на юге и востоке Украины.

2022–2023 годы. Даже в отсутствии достоверной статистики, есть все основания полагать, что негативные тренды демографической динамики русских Украины 2000–2010-х гг., после начала СВО получили мощный дополнительный импульс. Опрос населения, проведенный на

Украине в апреле 2022 г., обнаружил только 5 % респондентов с русской идентичностью [Рейтинг, 2022], что, по расчетам авторов, в целом соответствовало доле «чистых» русских в населении Украины на рубеже 2020-х гг. [Суций, 2020]. Иными словами, в 2022 г. фактически завершился переход смешанного населения страны к титульной самоидентичности². Причем, как и в 2014 г., данный процесс продемонстрировал новое ускорение. И если некоторое число русско-украинских биэтнофоров в 2022–2023 гг. все еще продолжало самоопределяться по своей русской этнической компоненте, то оно компенсировалось «чистыми» русскими, считавшими себя украинцами.

Но почти 1,5-кратное сокращение удельного веса русских в структуре населения после начала СВО (с 7 % до 5 %) оказалось куда более значительным в абсолютных масштабах, поскольку первая половина 2022 г. была связана со стремительным сокращением общего демографического потенциала Украины. К середине этого года на территории подконтрольной Киеву оставалось 20–23 млн чел. Исходя из данных социологических опросов, только 1,1–1,2 млн чел. из этого множества идентифицировали себя как русские (в два с лишним раза меньше, чем в 2021 г.) (рис. 5).

Рис. 4. Динамика русского населения Украины, 1989–2022 гг. (в 2015–2021 гг. без Крыма, Севастополя и ЛДНР; в 2023 г. без Крыма, Донбасса и северного Приазовья), млн чел.

Примечание. Рассчитано авторами.

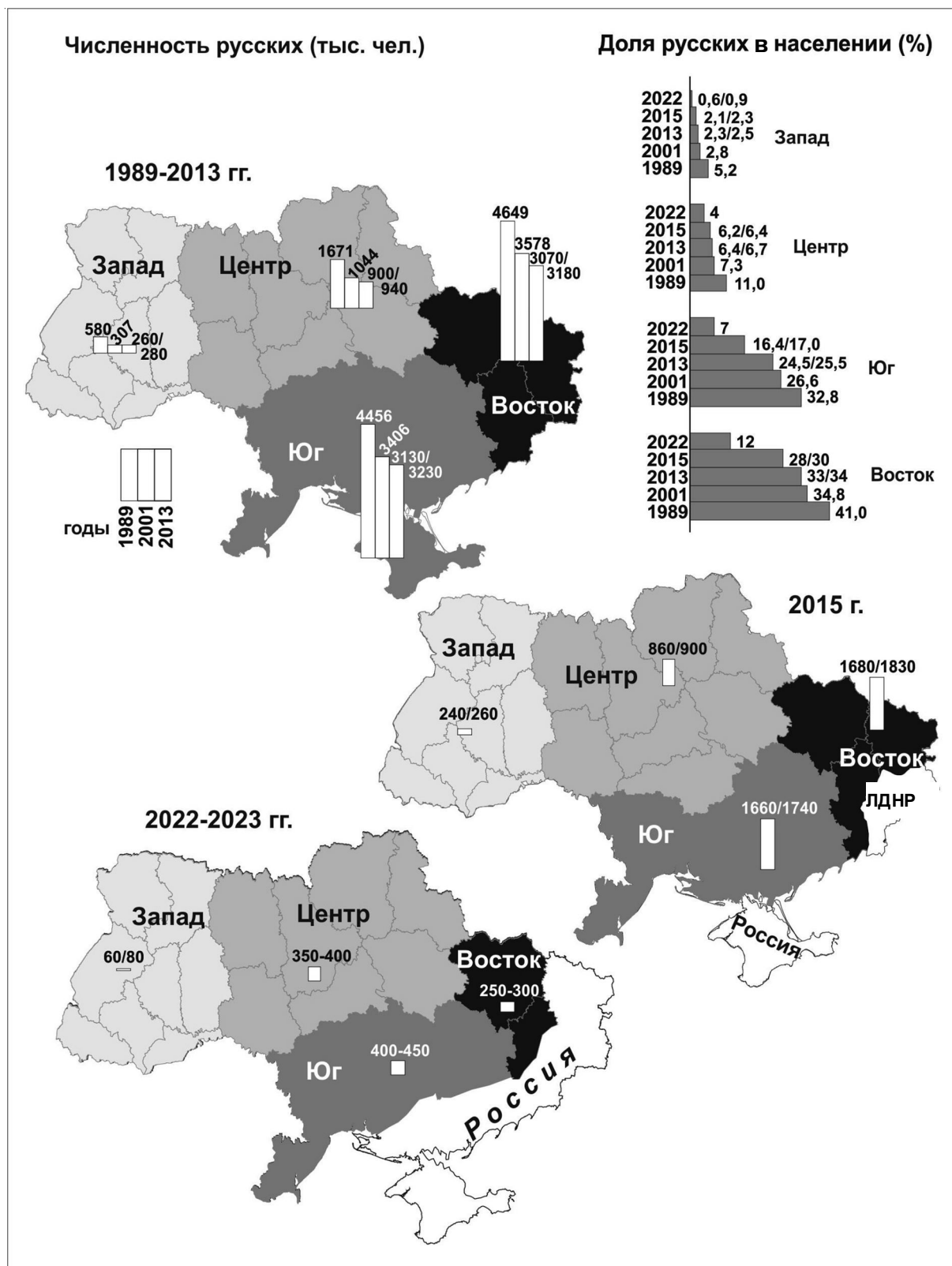

Рис. 5. Численность и удельный вес русских по макрорегионам Украины, 1989–2022/2023 гг., тыс. чел., %
 Примечание. Рассчитано по: [Всесоюзная перепись ..., 1989; Всеукраинская перепись ..., 2001; Рейтинг, 2022].

Новое резкое демографическое сжатие группы русского населения Украины в 2022–2023 гг. привело к событию, которое в ближайшие 20–30 лет казалось российским экспертам крайне маловероятным – крупнейшим средоточием русских в пределах ближнего зарубежья стал Казахстан, русская община которого в настоящее время уже примерно в два раза больше, чем численность русских Украины.

При этом естественный воспроизводственный потенциал последних крайне низок. Повторимся, что после начала СВО в своей массе продолжали самоопределяться русскими респонденты, не имевшие украинской или какой-либо другой этнической компоненты. Это обстоятельство позволяет в самом общем виде определить возрастную структуру данной ядерной группы русского населения Украины. Основная его часть в настоящее время сосредоточена в старших когортах. Согласно указанному опросу 2022 г. среди респондентов старше 51 года русскими самоопределились 9 %, среди 35–50-летних – 3 %, из 18–35-летних только 1 % [Рейтинг, 2022]. Несовершеннолетние в опросе не участвовали, но очевидно, что среди них этот показатель был еще ниже. Но если взять его за 1 % (что будет явным преувеличением) и пересчитать приведенные цифры с учетом долевого веса их возрастных групп во всем населении Украины, обнаруживается, что более 60 % русских Украины в 2022 г. были людьми старше 50 лет. А на детско-юношеские поколения (0–17 лет) приходилось только 5,5–6 % (рис. 6). Таким образом, контуры возрастной пирамиды русских Украины в настоящее время максимально усилили форму перевернутой пирамиды, характерную для них уже в начале XXI века.

Как известно, подобная форма возрастной структуры указывает на высокую вероятность быстрого количественного сжатия данной общности уже в среднесрочной перспективе и только за счет естественной убыли, без участия миграционного оттока, активное подключение которого способно еще более ускорить процесс окончательного демографического заката. В целом

это указывает на возможность полного исчезновения русского этнического присутствия на Украине в течение ряда десятилетий. Но, констатируя реальность столь пессимистического сценария, следует принять во внимание ряд обстоятельств. Прежде всего, пластичность и конъюнктурно-прагматический характер многосоставного идентификационного комплекса русско-украинских биэтнофоров, на которых во второй половине 2010-х гг., по расчетам специалистов, приходилось порядка 28–30 % жителей Украины [Митрофанова, Суцкий, 2017], а в пределах ее юго-восточного пояса доля смешанного населения достигала в это время 55–57 % [Суцкий, 2020].

Как отмечалось, выбор украинской идентичности этим населением после 2014 г. в самой значительной степени определялся гражданской позицией. Но нельзя не учитывать и социопсихологического прессинга, под которым в последние 10–15 лет находились русские Украины; комплексного давления, заставлявшего их включать «на максимум» практики этнокультурной мимикрии, в том числе отказ от любой формы публичного позиционирования себя в качестве русских. Иными словами, не существует способов проверки, насколько искренним и окончательным был выбор смешанным населением страны украинской компоненты своей многосоставной идентичности.

В настоящее время даже проведение на Украине переписи не позволило бы зафиксировать реальную численность людей идентифицирующих себя как русских, поскольку заметная часть такого населения предпочла бы самоопределяться украинцами или представителями других национальностей. Но дело не только в маскировке. В существующих обстоятельствах самоидентичность заметной доли смешанного населения оказывается «подвешенной», фактически зависящей от результатов текущего вооруженного конфликта.

Геодемографическая динамика населения северного Приазовья-Причерноморья, вошедшего состав России осенью 2022 г., наглядно продемонстрировала, что в русскоязычных регио-

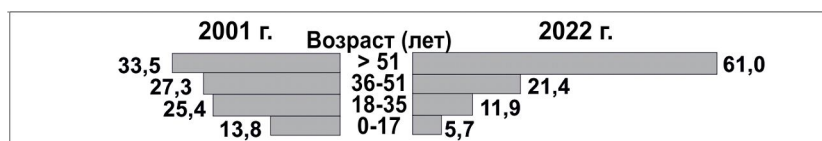

Рис. 6. Динамика возрастной пирамиды русского населения Украины, 2001–2022 гг., %

Примечание. Рассчитано по: [Всеукраинская перепись ..., 2001; Рейтинг, 2022].

нальных социумах юго-востока Украины присутствует обширная группа населения, готового встроиться как в российский, так и украинский вариант нациестроительства, ориентируясь при этом на более «целесообразную» в существующих условиях составляющую своей этнонациональной идентичности.

Так, в настоящее время любая оценка численности русских Украины не только сопряжена с риском самой значительной погрешности, в известной степени она просто невозможна, поскольку речь идет о переменной – неопределенной величине, способной пульсировать в широком диапазоне, в зависимости от динамики украино-российского (и шире – российско-западного) противостояния и его возможных будущих итогов. Уточним, что сказанное не исключает самой возможности изучения демографического потенциала русского Украины. Но такой анализ предполагает не получение точной цифры или широкого количественного коридора, а выполнение многовариантного расчета основных сценариев динамики современного конфликта и обоймы его возможных проекций в сферу этнодемографии.

Выводы

Демографические результаты 30-летнего периода развития независимой Украины оказались неутешительными. Политическому классу страны не удалось найти вариант развития, позволявший эффективно использовать ее значительный человеческий, экономический и природно-ресурсный потенциал. Даже период социально-экономической стабилизации начала XXI в. был обусловлен не столько реиндустриализацией

и подъемом социоэкономического комплекса Украины, сколько финансовой рентой, получаемой от масштабной трудовой эмиграции, сократившей наличное население страны к концу 2000-х гг. на 10–15 % (и на 15–20 % ее трудовые ресурсы).

Глубокий социально-политический кризис 2013–2014 гг., закончившийся в феврале 2014 г. государственным переворотом, резко ухудшив российско-украинские отношения, привел к потере Крымского полуострова и мощному сецессионному движению на Донбассе. Во второй половине 2010-х гг. наличное население страны на территории, подконтрольной Киеву, сократилось до 32–35 млн человек. А резкая активизация антироссийского курса, проводимого украинскими властями, став причиной начала СВО, привела к новым территориальным и демографическим потерям. В 2022–2023 гг. демографический потенциал Украины контролируемой киевской властью сократился до 20–23 млн человек. Таким образом, геодемографической результирующей постсоветского развития страны стала потеря 18–18,5 % территории и порядка 60 % населения. В структуре демографических потерь постсоветской Украины естественная убыль, эмиграция и переход территориальных сообществ в состав России составляли сопоставимые доли (рис. 7).

Расчетные оценки обнаруживают сокращение русского населения страны за постсоветский период на математический порядок (с 11,3 млн до 1,1–1,2 млн чел.). Даже с учетом потери части территорий и практик этнонациональной маскировки количественные потери русских оказались максимальными в пределах постсоветского пространства, в значительной мере предопределив кратное сокраще-

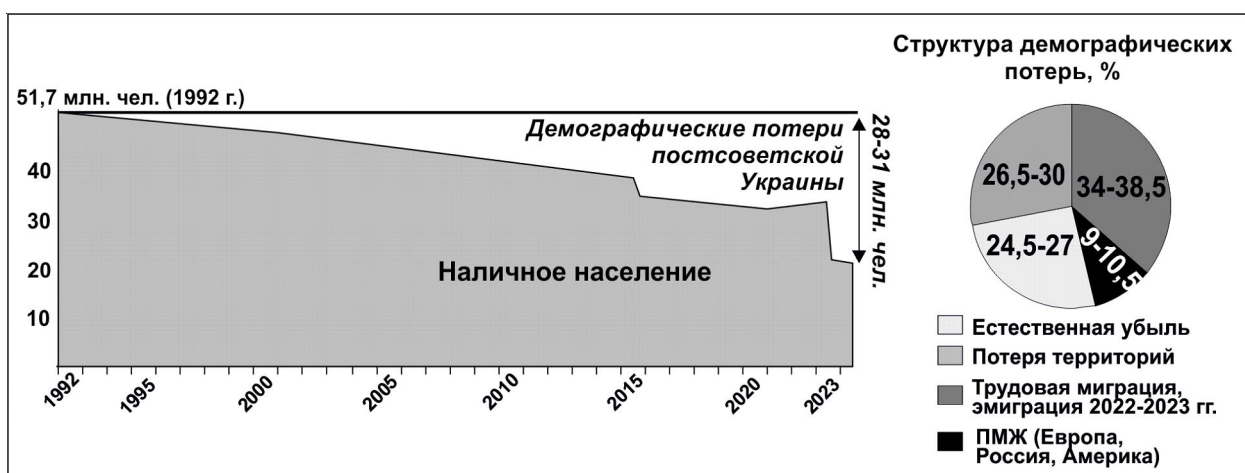

Рис. 7. Масштабы и структура демографических потерь Украины в 1990-е – 2020-е гг., млн чел., %
Примечание. Рассчитано авторами.

ние демографического потенциала всего русского ближнего зарубежья.

Очевидно, что сохранение русских на современной Украине в качестве демографически значимой группы возможно только при смене существующего государственного курса и установлении в стране политического режима партнерского или нейтрального по отношению к России не только в геостратегической, но и в социокультурной плоскости. Сохранение Украины в качестве «антироссийского» проекта (в любой из возможных его вариаций) будет коррелировать не только с ускоренным закатом русского этнического присутствия, но и с масштабными усилиями государства по комплексной «зачистке» общества от русского языка и культуры, как основных препятствий полной социоментальной украинизации и геочивилизационной вестернизации страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00974, <https://rscf.ru/project/24-28-00974/>

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-00974, <https://rscf.ru/project/24-28-00974/>

² Если некоторое число биэтнофоров все еще продолжало самоопределяться по своей русской этнической компоненте, то оно компенсировалось «чистыми» русскими, самопределявшимися как украинцы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Арефьев А. Л., 2012. Русский язык на рубеже XX–XXI веков. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга. 482 с.
- Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей республик СССР по полу и национальности, 1989. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php
- Всеукраинская перепись населения 2001 г. Национальный состав населения, гражданство, 2001. URL: http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/nationality_population/
- Гайдуцкий А., 2007. Миграционный капитал в Украине: скрытая реальность // Зеркало недели. 21–27 апр.
- Городяненко В. Г., 2009. Положение русских в Украине и проблемы их идентичности // Социологические исследования. № 1 (297). С. 89–96.
- Государственная служба статистики Украины, 2024. URL: <http://ukrstat.gov.ua>

- Ефимов С. А., 2009. Куда исчезли русские, или «сообщающиеся сосуды» этноязыковой самоидентификации: Украина, 1989–2001 гг. // История и современность. № 1. С. 177–189.
- Князев С., 2022. Страна без будущего // Rubalnic.ru. URL: <https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/20230928>
- Корчагин Ю. А., Маличенко И. П. Инвестиции и инвестиционный анализ : учебник. Ростов н/Д : Феникс, 2010. 605 с.
- Манаков А. Г., Теренина Н. К., 2022. Динамика этнических и языковых групп Украины с 1959 г. и оценка на 2021 г. // Псковский регионологический журнал. Т. 18. № 4. С. 129–145. DOI: <https://doi.org/10.37490/S221979310021504-7>
- Митрофанова И. В., Суцкий С. Я., 2017. Русские на Украине: геодемографические итоги постсоветского периода и среднесрочные перспективы // Социологические исследования. № 8 (401). С. 45–58. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162517080050>
- Позняк А. В., 2010. Трудовая эмиграция в Украине как фактор развития рынка труда // Демоскоп-Weekly. 1–24 янв. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2010/0405/analit05.php>
- Рейтинг, 2022. URL: <https://ratinggroup.ua/ru>
- Савоскул С. С., 2001. Русские нового зарубежья: Выбор судьбы. М. : Наука. 434 с.
- Сахно А., 2022. 43 % украинских детей учатся за рубежом // AF-News. 20 дек. URL: <https://antifashist.com/item/43-ukrainskih-detej-uchatsya-zarubezhom.html?ysclid=lowoqq5y90735312706>
- Сколько миллионов человек эмигрировало из Украины в Россию и ЕС? 2018 URL: <https://internationalinvestment.biz/business/331-emigraciya-ukraincev-skolko-grazhdan-ukrainy-uehalo-za-rubezh-i-v-kakie-strany.html>
- Суцкий С. Я., 2020. Русский мир Украины: реалии и перспективы постсоветского периода // Свободная мысль. № 5 (1683). С. 137–160.
- Статистичний щорічник України за 2014 рік, 2015. Київ : Державний комітет статистики України. 368 с.
- Статистичний щорічник України за 2021 рік, 2022. Київ : Державний комітет статистики України. 447 с.
- Displacement Patterns, Protection Risks and Needs of Refugees from Ukraine. Regional Protection Analysis #2. Hungary, Poland, Republic of Moldova, Romania and Slovakia, 2023. UNHCR Regional Bureau for Europe. April 26.
- Tverdostup M., 2023. The Demographic Challenges to Ukraine's Economic Reconstruction // Policy Notes and Reports 71. Vienna : The Vienna Institute for International Economic Studies. 44 p.

REFERENCES

- Arefyev A.L., 2012. *Russkij yazyk na rubezhe XX–XXI vekov* [Russian Language at the Turn of the

- 20th – 21st Centuries]. Moscow, Centr socialnogo prognozirovaniya i marketinga. 482 p.
- Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1989 goda. Raspredelenie gorodskogo i selskogo naseleniya oblastej respublik SSSR po polu i nacionalnosti [All-Union Population Census of 1989. Distribution of the Urban and Rural Population of the Regions of the Republics of the USSR by Gender and Nationality], 1989. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php
- Vseukrainskaya perepis naseleniya 2001 g. Nacionalnyj sostav naseleniya, grazhdanstvo [All-Ukrainian Population Census 2001. The National Composition of the Population, Citizenship], 2001. URL: http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/nationality_population
- Gaidutsky A., 2007. Migracionnyj kapital v Ukraine: skrytaya realnost [Migration Capital in Ukraine: Hidden Reality]. *Zerkalo nedeli* [Mirror of the Week], April 21–27.
- Gorodyanenko V.G., 2009. Polozhenie russkikh v Ukraine i problemy ikh identichnosti [Situation of Russians in Ukraine and Problems of Their Identity]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], no. 1 (297), pp. 89-96.
- Gosudarstvennaya sluzhba statistiki Ukrainy [State Statistics Service of Ukraine], 2024. URL: ukrstat.gov.ua
- Efimov S.A., 2009. Kuda ischezli russkie, ili «soobshhayushhiesya sosudy» etnoyazykovoj samoidentifikacii: Ukraina, 1989–2001 gg. [Where Did the Russians Disappear, or the “Communicating Vessels” of Ethnolanguage Self-Identification: Ukraine, 1989–2001]. *Istoriya i sovremennost* [History and Modernity], no. 1, pp. 177-189.
- Knyazev S., 2022. Strana bez budushhego [Country Without a Future]. *Rubalnic.ru*. URL: <https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/20230928>
- Korchagin Yu.A., Malichenko I.P., 2010. *Investicii i investicionnyj analiz: uchebnik* [Investments and Investment Analysis. Textbook]. Rostov-on-Don, Phenix Publ. 605 p.
- Manakov A.G., Terenina N.K., 2022. Dinamika etnicheskikh i yazykovykh grupp Ukrainy s 1959 g. i ocenka na 2021 g. [Dynamics of Ethnic and Linguistic Groups of Ukraine Since 1959 and Assessment for 2021]. *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Regionological Journal], vol. 18, no. 4, pp. 129-145. DOI: <https://doi.org/10.37490/S221979310021504-7>
- Mitrofanova I.V., Suschiy S.Ya., 2017. Russkie na Ukraine: geodemograficheskie itogi postsovetskogo perioda i srednesrochnye perspektivy [Russians in Ukraine: Geodemographic Results of the Post-Soviet Period and Medium-Term Prospects]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], no. 8 (401), pp. 45-58. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162517080050>
- Poznyak A.V., 2010. Trudovaya emigraciya v Ukraine kak faktor razvitiya rynka truda [Labor Emigration in Ukraine as a Factor in the Development of the Labor Market]. *Demoskop-Weekly* [Demoscope-Weekly], Jan. 1–24. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2010/0405/analit05.php>
- Rejting [Rating], 2022. URL: <https://ratinggroup.ua/ru>
- Savoskul S.S., 2001. *Russkie novogo zarubezhya: Vybor sudby* [Russians of the New Abroad: The Choice of Fate]. Moscow, Nauka Publ. 434 p.
- Sakhno A., 2022. 43 % ukrainskikh detej uchatsya za rubezhom [43% of Ukrainian Children Study at the Wheel]. *AF-News*, 2022, Dec. 20. URL: <https://antifashist.com/item/43-ukrainskih-detej-uchatsya-za-rubezhom.html?ysclid=lowoqq5y90735312706>
- Skolko millionov chelovek emigrirovalo iz Ukrainy v Rossiyu i ES? [How Many Millions of People Emigrated from Ukraine to Russia and the EU?], 2018. URL: <https://internationalinvestment.biz/business/331-emigraciya-ukraincev-skolko-grazhdan-ukrainy-uehalo-za-rubezh-i-v-kakie-strany.html>
- Suschiy S.Ya., 2020. Russkij mir Ukrainy: realii i perspektivy postsovetskogo perioda [Russian World of Ukraine: Realities and Prospects of the Post-Soviet Period]. *Svobodnaya mysl* [Free Thought], no. 5 (1683), pp. 137-160.
- Statystichnyy shchorichnyk Ukrayiny za 2014 rik [Statistical Calendar of Ukraine for 2014], 2015. Kyiv, Derzhavnyy komitet statystyky Ukrayiny. 368 p.
- Statystichnyy shchorichnyk Ukrayiny za 2021 rik [The Statistical Calendar of Ukraine for 2021], 2022. Kyiv, Derzhavnyy komitet statystyky Ukrayiny. 447 p.
- Displacement Patterns, Protection Risks and Needs of Refugees from Ukraine. Regional Protection Analysis #2. Hungary, Poland, Republic of Moldova, Romania and Slovakia*, 2023. UNHCR Regional Bureau for Europe, April 26.
- Tverdostup M., 2023. The Demographic Challenges to Ukraine’s Economic Reconstruction. *Policy Notes and Reports 71*. Vienna, The Vienna Institute for International Economic Studies. 44 p.

Information About the Authors

Sergey Ya. Suschiy, Doctor of Sciences (Philosophy), Chief Researcher, Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Chekhov St, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, SS7707@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5131-3988>

Ekaterina S. Suschaya, Trainee Researcher, Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Chekhov St, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, essuschaya@edu.hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0359-5340>

Информация об авторах

Сергей Яковлевич Суцкий, доктор философских наук, главный научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, SS7707@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5131-3988>

Екатерина Сергеевна Суцая, стажер-исследователь, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, essuschaya@edu.hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0359-5340>